

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

К вопросу об идейной концепции пушкинской оды «Вольность»

Политическая поэзия молодого Пушкина полна предчувствий и ожиданий. Это не лирика безмятежной и робкой души. В ней звучит постоянная тревога о судьбе своей родины. Ода «Вольность» написана с присутствием Пушкину эмоциональной взволнованностью и смелостью художественных обобщений. В ней содержится широкий и ясный взгляд на западноевропейскую и русскую действительность. В оде довольно легко угадывались намеки на совсем недавние события (убийство Павла I), которые делали это произведение чисто русским, хотя в нем и обличались «тираны мира» (Калигула, Наполеон). Некоторые стихи как будто трудны для произношения скоплением согласных: «Воссела — рабства грозный гений». Но эта затрудненность падает на места наибольшего волнения, этим риторическим приемом поэт усиливает напряженность звучания стиха, делает его по-особому ударным. В целом ода «Вольность» для произношения легка, хотя и звучит с начала до конца на высоких тонах, как громкая речь с трибуны. Пушкинская ода сразу же стала распространяться в списках и заучиваться наизусть.

И по силе художественно-эмоционального воздействия, и по конкретности идейного замысла пушкинская «Вольность» — одно из выдающихся декабристских стихотворений. Пушкин смело заимствует у русской одической поэзии ее стилистику и принципы более общего значения: воскрешается сама традиция поэтической композиции оды, возвышенно-декламационный, мужественный стих. Б. В. Томашевский в книге о Пушкине отмечает державинское влияние. Автор стихотворения «Властителям и судиям» тоже помогал молодому поэту «обрести витийственный голос гражданского поэта».¹

Для самого Пушкина эта ода была большим идейным и художественным завоеванием. Напомним, что в «Воспоминаниях в Царском Селе» намечен образ вольнолюбивого патриота, который через несколько лет в другом своем качестве выступит в оде «Вольность». «Вострепещи тиран! уж близок час паденья!» — это строка не из оды «Вольность», а из «Воспоминаний». В «Воспоминаниях» — ратники-богатыри, защищающие родную землю от Наполеона: «Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...» В стихотворении «К Лидию» Пушкин совсем близко подходит к образу вольнолюбивого гражданина, выступающего и на ратном поле, и у себя дома, среди своих соотечественников. Но здесь гражданин еще в античном костюме: «Я сердцем римлянин, кишит в пруди свобода...» В оде «Вольность» вольнолюбивый гражданин до

¹ Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 155.

мелочей похож на тех русских вольнолюбцев, которые в 1816 году объединились в Союзе Спасения. Пушкин берет на себя роль судьи-гражданина, от своего имени он говорит о свободе и задачах поэзии:

Разбей изнеженную лиру —

Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Главное назначение поэта — «воспеть свободу». О троне сказано несколько уклончиво — «поразить порок». Но за этой уклончивой формой выражения скрывались довольно сильные обличительные тенденции. «Поражать» — это не значит «истину царям с улыбкой говорить», как думал Державин. Для Пушкина «обличать» — грозить самовластью уроками истории и готовиться к предстоящей борьбе.

Пушкину близок и дорог из поэтов XVIII века не только Державин, но и Радищев. Расходясь с Радищевым во взгляде на революцию, Пушкин использует его идейное наследие, художественный метод, эстетику.

Необходимо было выполнить главный завет Радищева: продолжить воспевание вольности. Само название пушкинской оды — «Вольность» — демонстрировало приверженность к Радищеву. Именно это радищевское слово русские реакционеры пытались вычеркнуть из словаря и из употребления. Некий «русский дворянин Правдин» писал о слове «вольность»: «Бедственное, пустое слово — вольность». «Но вольность не только пустое, но и кроважидное слово», — поучал «Дух журналов». В рукописных списках пушкинская ода имела и другое название: «Ода на Свободу». О слове «свобода» «дворянин Правдин» тогда же в 1818 году писал в «Духе журналов»: «При свободе нет приверженности к отечеству». Это был не просто терминологический спор, это была борьба за определенные политические идеи. Для Пушкина и декабристов слова «вольность» и «свобода» означали истинную любовь и приверженность к отечеству. Ода «Вольность» начинается и кончается прославлением свободы.

Д. Д. Благой в своей книге «Творческий путь Пушкина» (1950) достаточно подробно и, на наш взгляд, правильно, характеризует основные идеи пушкинской оды. В оде Пушкина понятие «тиран» имеет более ограниченное значение, нежели в оде Радищева. Радищев не делает различия между царями, он против царской власти, народ имеет полное право на свержение монархии:

Се право мщенье природы
На плаху воввело царя.

Пушкин склонен к просветительской трактовке самого права социального мщения, он отличает тиранию, когда власть монарха не ограничена законом, от конституционной монархии, а конституционную монархию от народно-республиканского образа правления. Следует начинать с ограничения самодержавия разумными законами, а затем идти дальше — учреждать республику. Подобные идеи распространял в лицейских лекциях Куницын. В основе — учение Монтескье. Относительная «скромность» политических требований и ожиданий, отсутствие прямых призывов к восстанию против царя не помешали оде «Вольность» стать выдающимся произведением русской революционной поэзии. Хотя Пушкин и говорит о некоем «незыблемом законе», который распространяется как на царей, так и на народ, но уже во второй строфе оды тирамборческий пафос становится настолько сильным, гнев против тиранов звучит с та-

кой энергией, что угроза царям и дифирамб свободе заслоняют явно уморительное рассуждение о метафизическом законе.

В оде Пушкина есть свои противоречия: законы, созданные самодержавием, поэт называет «гибельным позором». Ясно, что с самодержавием не может быть примирения, что «гибельные» законы нельзя уничтожить, не уничтожив главного зла — тиранов, создающих эти законы. Пушкин приближается к Радищеву и отходит от него. В отличие от Радищева Пушкин не решается на изображение справедливого суда над царем, он не занимает позиции открытой и беспощадной борьбы с самодержавием.

Идейные расхождения между Пушкиным и Радищевым не вызывают сомнений. Дискуссионным остается вопрос об отражении в пушкинской «Вольности» определенных политических идеалов эпохи Пушкина и декабристов. Здесь существуют разные точки зрения. До сих пор спор идет о датировке «Вольности». В зависимости от даты написания (1817 или 1819 год) находится отнесение оды к определенному периоду в развитии декабристского мировоззрения. На основании сохранившихся списков и рукописи поэта «Вольность» обычно датируется 1817 годом. Ю. Г. Оксман предлагает датировать 1819-м, полагая, что Пушкин был заинтересован скрыть реальную дату, отнести «Вольность» к более ранним годам, выдав ее за «детское» произведение (в «Воображаемом разговоре с Александром I», написанном в декабре 1824 года, Пушкин называет эту оду «детской»: «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской *Оде?*»). По Ю. Г. Оксману, «Вольность» Пушкина не столько продолжала и развивала политические установки Радищева, сколько полемизировала с ними с умеренно-либеральных позиций Союза Благоденствия.² Отнесение «Вольности» к 1819 году, к году расцвета Союза Благоденствия, не находит поддержки среди пушкинистов. Так, Н. Н. Фатов не без основания замечает: «Если мы будем относить „Вольность“ к 1819 г., то мы тем самым впадем в явное противоречие с ходом политического развития Пушкина — трудно представить, чтобы в 1819 г. он мог писать, обращаясь к царю со словами:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Другое дело — в октябре 1817 г., через несколько месяцев по окончании лицея, где он слушал у Куницына лекции о „праве естественном“. Совершенно в духе этого „естественного права“, дающего какие-то абстрактные законы, якобы выводящиеся из самой природы человеческой, Пушкин и мог писать:

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа,
Стойте выше вы народа;
Но вечный выше вас Закон...

² Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Исследования и материалы. Саратовское книжное издательство, 1959, стр. 51 (в статье «Пушкин в работе над „Историей Пугачева“ и повестью „Капитанская дочка“» об оде «Вольность» говорится попутно). Мысль о датировке была высказана Ю. Г. Оксманом на Всесоюзной пушкинской конференции 1958 года. Исследование «От „Капитанской дочки“ А. С. Пушкина к „Запискам охотника“ И. С. Тургенева», посвященное большим историко-литературным проблемам, представляет крупное достижение советского литературоведения (см. рецензию Г. М. Фридлендера в третьем номере журнала «Русская литература» за 1960 год).

Эти мысли Пушкин мог высказывать в 1817 г., но они более чем странно звучали бы через два года, когда Пушкин сильно революционизировался...»³

В 1817 году Пушкин жил не только впечатлениями от лекций Куницына о «естественном праве», главное не в этих лицейских впечатлениях, а в той политической атмосфере, которой были охвачены передовые люди России. Известно, что «Вольность» написана Пушкиным в квартире Тургеневых, из окон которой легко протрагивался Михайловский дворец, где был убит Павел I. Конечно, и эта деталь не решает творческой истории «Вольности». Важнее другое: в квартиру Тургеневых проникали отзвуки политических дискуссий 1817 года.

По общему смыслу и общей тенденции ода Пушкина близка тем идеям, которые пропагандировали декабристы, отвергавшие царубийственный план Якушкина и Лунина. Не состоя в Союзе Спасения, Пушкин тем не менее был в курсе политических диспутов. «Знаменательно, что юный Пушкин, — пишет М. В. Нечкина, — написал свою оду в том же 1817 г. и даже в конце этого года, когда тайное общество горячо обсуждало вопрос о царубийстве».⁴ Необходимо уточнить идейную концепцию «Вольности» в связи с политическими проектами декабристов. Члены Союза Спасения единодушно высказывались за уничтожение рабства крестьян и установление представительного правления. Но как только речь заходила о методах борьбы, то тут возникали горячие споры. «Московский заговор» 1817 года тем и показателен, что предложение Якушкина не было одобрено большинством присутствовавших на собрании в Хамовнических казармах. Были и такие голоса (например, Александр Муравьев), которые проект Якушкина отвергали, считая его «преступным заговором». Другие, самые дальновзоркие «сыны отечества» (в частности, Сергей Муравьев-Апостол) видели в царубийстве «скудность средств для достижения цели». Проект царубийства отвергнулся ими потому, что «средство это не обеспечивает достижения основной цели, очевидно — представительной системы и уничтожения крепостничества».⁵

О методах борьбы с самодержавием, о взаимоотношениях власти и народа спорили на заседаниях тайного общества, в Хамовнических казармах, в квартире Н. И. Тургенева, в личных беседах, в кругу близких друзей, увлеченных политикой. Когда Пушкин говорит о «бесславных ударах», о неизбежности возмездия, о твердых нравственных законах, обязательных и для царя, и для его противников, то здесь он спорит не только с Радищевым, но и с теми, кто пытается привести радищевские идеи в действие, т. е. готовит план царубийства. И это отнюдь не противоречит политической доктрине декабристов, их тактике, их отношению к царубийству в 1817 году. В конечном итоге большинство в Союзе Спасения отказалось от идеи насильственного уничтожения царя. И в Союзе Благодеяния единодушно ратовали за республику, но о царубийстве говорили осторожно и далеко не все. Революционный план

³ Проф. Н. Н. Фатов. Специальный курс о Пушкине. Лекция 11-я. Период от лицей до ссылки (1817—1820 гг.). Учебное пособие для студентов. Черновцы, 1960, стр. 15. К сожалению, в работе Н. Н. Фатова, наряду с верными замечаниями и наблюдениями, содержится довольно откровенный рецидив вульгарного социологизма: «Взгляд, конечно, предельно наивный. Пушкин не понимает классового характера законов в классовом государстве» (стр. 19). Это говорится в связи с пушкинскими стихами о «разумном законе» («Лишь там над царскою главой...»).

⁴ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 175.

⁵ Там же, стр. 178.

Пестеля отпугивал и в 1820 году. «Вольность» Пушкина является программным произведением в том смысле, что отражает мнение декабристского большинства.

Ранние стихотворения Александра Бестужева

Талантливый беллетрист и литературный критик Александр Бестужев известен и как поэт; правда, в поэзии он не был столь значительным, как в декабристской прозе. Стихи писал он с большими перерывами, от случая к случаю, не уделяя стихотворству главного внимания. С появлением в литературе Рылеева он, очевидно, решил, что поэтическое творчество не его прямое призвание, что с Рылеевым трудно соревноваться на поприще гражданской поэзии. Из ранних стихотворений Бестужева (1818—1819) выделяются «Подражание первой сатире Буало», отрывок из комедии «Оптимист», «К некоторым поэтам» и «Близ стана юноша прекрасный».⁶ В этом цикле стихотворений заключена определенная эстетическая и этическая программа, которую Бестужев будет развивать и в дальнейшем, в «Полярной звезде». В смысловом и стилистическом плане ранние стихотворения Бестужева напоминают несколько тяжеловесные, рационалистические, но искренние и негодующие стихи Владимира Раевского. Ранние стихотворения Александра Бестужева фактически выпали из обзоров декабристской поэзии. Между тем они заслуживают внимания, особенно в связи с литературно-эстетической программой Союза Благоденствия, где были отчетливо сформулированы основные принципы высокой гражданской поэзии.

Бестужев — романтик по убеждению, по взглядам на роль и место поэта в современном обществе, и он же в поэтической практике, в стиле и поэтике своих стихотворений прямой последователь просветительского классицизма, ученик русского XVIII века. В этом — и романтик, и классик — своеобразие не только Бестужева-поэта, но почти всех поэтов-декабристов. В ранних своих опытах Бестужев больше классик-романтик, сторонник поэзии проповеднической, общественно-просветительской и сатирической. Показательны те поэты, которых Бестужев «переводит», которым подражает, на которых ссылается: Овидий, Камюэнс, Буало, Мольер, Державин, Фонвизин, Княжнин, Дмитриев. В «Подражании первой сатире Буало», прочитанном в 1819 году в Вольном обществе словесности, наук и художеств и попавшем в один из доносов В. М. Каразина рядом с сатирой Рылеева «К временщику», Бестужев громит светский Петербург, продажный, лживый и хвастливый:

Бегу от вас, бегу, Петропольские стены,
Сокроюсь в мрак лесов, в пещеры отдаленны,
Куда бы не достиг коварства дикий взор
Или судей, писцов и сыщиков собор.
Куда бы ни хвастун, ни лежец не приближался,
Где б слух ни ябедой, ни лестью не терзался...
Бегу! Я вольности обрел златую нить.

Но мне здесь жить? к чему? И что здесь делать мне?
Могу ль обманывать? могу ли притворяться?
Нет! К возвышению постыдно пресмыкаться!
Свободен мыслями, хоть скованный судьбой,
Не променяюсь я за выгоды душой...

⁶ «Подражание первой сатире Буало» впервые было опубликовано Б. С. Мейлахом в «Литературном архиве» (т. I, 1938); стихотворение «Близ стана юноша прекрасный» напечатано впервые Н. И. Мордовченко в «Собрании стихотворений» А. А. Бестужева («Библиотека поэта», 1948).

Поэт отказывается «знатных услаждать изношенные чувства», курить «стиховный фимиам»:

Я отдаю товар каков он есть лицом:
Осла — ослом зову, Бибриса — подлецом...

В «железный век», когда фортуна «творит директоров из глухих писарей», участь поэта-гражданина складывается трагически. Он обездолен, нищ, не признан, «с шутами наравне».

Ужель не видим мы Боянов наших дней,
Влачащих жизнь свою без денег, без друзей,
Весной без обуви, а в зиму без шинели,
Бледней, чем схимники в конце страстной недели,
И получающих в награду всех трудов
Насмешки, куплены ценой своих стихов,
На коих, потеряв здоровье и именье,
Лишь в смерти обретать от бедности спасенье.

И лучший здесь поэт, честь русского народа,
Вовеки будет чтим с шутами наравне.

Драматизм нарастает от строфы к строфе, от образа к образу. Поэт в разладе со всей официальной Россией, где «беззаконно все», где поэту-гражданину «велят молчать». Так же, с теми же эмоциональными жестами и в тех же словах, резких, жестких и правдивых, Раевский в «Послании к другу», в «Элегии» и в сатире «Смеюсь и плачу» клеймит нравы светского общества и с горечью отзывается о жертвах феодально-монархических устоев. Напомним стихи из его «Элегии»:

Почто разврат, корысть, тиранство ставят трон
На гибели добра, невинности, покою?

Поэты, презирающие все «заманки большого света», живут для народной славы, но эта слава нелегко дается, она не всегда идет «об руку с гением». Основную идею «Подражания первой сатире Буало» Бестужев развивает во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»: «Нет! в тишине затворничества зрели их думы. Терновую стезю лишений пробивались они к совершенству. Конечно, слава не всегда летит об руку с Гением; часто современники гнали, не понимая их; но звезда будущей славы созревала рвение и озаряла для них мрак минувшего, которое вопрошали они, дабы разгадать современное и научить потомство».⁷

«Подражание» — вполне самостоятельное и самобытное стихотворение. Это политическая речь поэта, сатирическое стихотворение с явно декабристским уклоном. Не случайно заключительные стихи сатирической оды чем-то напоминают революционную песню «Ах, тошно мне»:

И в ясны дни смеясь над бедными людьми:
Терпите, — думают, — лишь было б нам легко:
Далеко от царя, до бога высоко!

Так думают приверженцы старины, рутинерства. «Кроткие музы» стремятся привить народу терпение и усыпить «гнев справедливости». Народной пословицей («Далеко от царя, до бога высоко») пользуется в своей «усыпляющей речи» («усыплай моральными речами») реакционный вития, проповедующий с кафедры искусство «красть умно, а угнетать

⁷ «Полярная звезда на 1825 год», стр. 8.

учтиво». В песне Рылеева и Бестужева эта народная поговорка получила революционный комментарий:

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

И все другие стихотворения Бестужева 1818—1819 годов предвещают появление знаменитых критических обзоров в «Полярной звезде», ведут к декабристским концепциям. В послании «К некоторым поэтам» — полемика с эпигонской, подражательной поэзией, своеобразная отповедь вялым элегикам и староверам-шишковистам. В журнале «Благонамеренный» (1820, № 7) стихотворение появилось с примечанием: «Читано в собраниях С.-Петербургского общества любителей словесности, наук и художеств 8 ч. сего апреля». Именно в этом обществе В. Панаев, А. Родзянко, гр. Хвостов и многие другие третьеразрядные поэты выступали с бесчисленными одами, шарадами, элегиями, песенками, эпитафиями, акростихами и т. д. И можно представить Бестужева, читающего в измайловском Вольном обществе послание «К некоторым поэтам»:

О вы, сподвижники мои и образцы!
Столь многих мелочей тяжелые творцы;
Премаленьких стишков, комедий преогромных,
Идиллий, песенок, трагедий многотомных,
Что пародиями вся публика зовет, —
Хоть смотрит, но труда прочесть их не берет —
Вы, кои прихотью затейливые музы
Поэтов стран чужих куете в русски узы, —
Вы торжествуете! вам дерзновеенье щит,
Вкус ложный царствует, талант — в пыли лежит.

Всю эту «ревущую ватагу» Бестужев аттестует совершенно точно: «невежества грехи», «ложный вкус», «творения негодны».

В стихотворении «Близ стана юноша прекрасный» (1819) и в балладе «Михаил Тверской» (1824) Бестужев выходит за пределы сатирического стиля и уже в духе героического романтизма создает образы сынов отечества. «Близ стана юноша прекрасный» — стихотворение романтически возвышенное, эмоционально-взволнованное и певучее. Юноша-воин именно поет, поет песню, основной мотив которой — «за отчизну пал».

Он пел: Вы, ветерки, летите
К странам отцв, к драгой моей,
Что верен был всегда, скажите,
Отчизне, славе, чести, ей.
Отечество и образ милой
В боях меня воспаляют,
Они своей чудесной силой
Мне в грудь геройства дух вселят.

Баллада о Михаиле Тверском написана совсем в духе Рылеева, она включает основные компоненты рылеевских дум. Два «мужа», престарелый и совсем юный, сидят «в темнице мрачной и глухой». С помощью специально подобранного лексического ряда («темница», «цепи», «жилице страха», «готова плаха») Бестужев создает впечатление тяжести плена. И здесь же типично декабристская патетика:

Не слышно вздохов на устах,
И в пламенных его очах
Божественный покой сияет.

«Всегда будь верен правде, чести» — в этом назидании Михаила Тверского и состоит идея баллады. Бестужев написал почти рылеевские стихи, рылеевские по духу и по жанру. Думой о Михаиле Тверском он как бы отмечал свое вступление в Северное общество.⁸

Речь Рылеева в Вольном обществе любителей российской словесности

18 апреля 1821 года А. А. Дельвиг внес предложение об избрании К. Ф. Рылеева в члены Вольного общества любителей российской словесности. «Соревнователи» (так называли себя члены этого Вольного общества или «ученой республики») не возражали при условии, что к следующему заседанию Рылеев представит какое-либо из его произведений. Рылеев представил перевод польской сатиры Ф. В. Булгарина «Путь к счастью» и 25 апреля был избран в члены-сотрудники. На следующий день секретарь общества А. А. Никитин послал Рылееву выписку из постановления с просьбой пожаловать 2 мая для выполнения соответствующего обряда. Рылеев в назначенный день пришел в Вольное общество, познакомился с уставом и дал соответствующую подписку. В собрании 12 сентября слушались его стихотворения — «К Цинтии (Подражание Проперцию)», «Надгробная надпись (Пр. Тих. Чир—ной)» и «Младенцу». Из 19 присутствовавших членов против рылеевских стихотворений голосовало 9 человек. 17 октября Рылеев читал идиллическую поэму «Пустыня», которая была одобрена большинством голосов. Полное признание Рылеева произошло 28 ноября, когда он выступил с думой «Смерть Ермака», произведя огромное впечатление. Стихотворение это было найдено «достойным особенного уважения», и Рылеева тогда же перевели из членов-сотрудников в действительные члены «ученой республики». Печатаемая дума «Смерть Ермака» в № 14 «Русского инвалида» (1822), А. Воейков снабдил ее таким примечанием: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который станет рядом со старыми и главными».

Рылеев ответил на избрание в действительные члены двумя новыми «упражнениями»: 5 декабря читались думы «Боян» и «Богдан Хмельницкий». В 1822 году Рылеев пополнил жизнеописание великих мужей России историко-патриотическими гимнами «Артемон Матвеев», «Святослав», «Глинский», «Мстислав», «Вольгский», «Дмитрий Донской», «Видение императрицы Анны» и «Державин». Все эти думы читались и обсуждались на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности и почти всегда принимались к печати. Однако было бы неверно, характеризуя заседания 1822 года, не учитывать той борьбы, которая проходила между левыми и правыми «соревнователями». Думы Рылеева не вызвали единодушного одобрения и служили предметом оживленных споров. Достаточно, например, сказать, что две его думы («Артемон Матвеев» и «Дмитрий Донской») не были единогласно одобрены в Вольном обществе. В «Журнале ученых упражнений» сказано: «Возвращена сочинителю в его распоряжение» («Артемон Матвеев») и «Представлено в распоряжение сочинителя» («Дмитрий Донской»). И появились эти думы не в «Соревнователе просвещения и благотворения», а в «Новостях литературы» («Артемон Матвеев») и в «Сыне отечества» («Дмитрий Донской»). В свое время автор данных заметок слишком просто объяснял этот эпизод: слушались на заседаниях Вольного общества, но баллотировку не проходили, так как заранее предназначались автором к публи-

⁸ Баллада «Михаил Тверской» опубликована в «Сыне отечества» (1824, № 39) за подписью Б. в. Авторство установлено Б. В. Томашевским. См. его заметку «Неизвестное стихотворение А. Бестужева» («Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия филологических наук, вып. 25, 1955).

кации не в органе «ученой республики».⁹ В конечном итоге более правыми оказались В. И. Маслов и В. А. Архипов, утверждавшие, что две последние думы встретили суровую оценку и без баллотирования были возвращены Рылеву (вернее, Рылеев взял свои произведения, не допустив до голосования).¹⁰ Кто именно организовал оппозицию Рылеву — мы не знаем. На заседании 17 апреля 1822 года, когда обсуждалась дума «Артемона Матвеева», присутствовало 26 человек. Дума «Дмитрий Донской» рассматривалась 2 октября того же года. На этом заседании присутствовало 17 членов Вольного общества. Если думы Рылеева вызвали оживленные прения, то автор их, конечно, не мог быть безучастным, он должен был отстаивать свои позиции, тем более, что речь шла о путях развития отечественной поэзии.

Имеются все основания предполагать, что осенью 1822 или в начале 1823 года Рылеев произнес в Вольном обществе речь об исторических стихотворениях, в которой разъяснил цель своих дум и ответил «соревнователям», пытавшимся забраковать его «Артемона Матвеева» и «Дмитрия Донского». Выступление Рылеева могло иметь место или 2 октября, когда обсуждался «Дмитрий Донской», или, что всего вернее, 6 ноября 1822 года, когда читалась дума о Державине. В «Дмитрии Донском» достаточно ясно обнаружилась основная цель дум: использовать историю для пропаганды гражданских воззрений, декабристской морали. В этой думе легко было угадать и образ самого поэта. В уста Дмитрия Донского Рылеев вложил собственные лозунги, он заставил говорить героя по-декабристски:

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран;
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.

Едва ли такие откровенные стихи могли нравиться умеренным «соревнователям». В них слишком ясно были прокламированы идейные принципы декабристского романтизма.

Дума о Донском была возвращена «в распоряжение автора», т. е. фактически не пропущена большинством голосов в «Соревнователь». По-видимому, Глинка (председатель), Гнедич, А. Бестужев и Корнилович сочувственно относились к рылеевской поэзии. Но на собрании, кроме них, присутствовали Плетнев, Аничков, Боровков, Люценко, Греч, Анастасевич, Дельвиг, Булгарин, Данилевский, Арапов, Теряев, Пелчинский.

Между тем проблема гражданской поэзии настолько волновала Рылеева, что на одном из следующих заседаний, 6 ноября, он выступил с программной думой «Державин». Известно, что в первой редакции (возможно, что Рылеев читал думу именно в первой редакции) Державин изображен тираноборцем («Кипит к тирану он враждой») и гражданским поэтом-трибуном («Ярмо граждан его тревожит»). «Державин» — смелая декларация в защиту гражданской, тираноборческой поэзии. Эта дума хотя и была принята, но не единогласно, а лишь большинством голосов, тогда как все остальные произведения, читавшиеся в этом собрании (исключение составляет слабый перевод Н. Д. Иванчина-Писарева из Клопштока), были единогласно одобрены. Значит и на этом собрании у Рылеева имелись противники, выступившие и голосовавшие против

⁹ В. Базаилов. Вольное общество любителей российской словесности. Петровзаводск, 1949, стр. 248.

¹⁰ В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912, стр. 78—79; В. А. Архипов. А. А. Бестужев-критик и литературная борьба 20-х годов XIX века (1818—1825). Автореферат. Изд. МГУ, 1950. Исследование В. А. Архипова, представляющее большую научную ценность, к сожалению, до сих пор не напечатано.

его думы о Державине. Вот тогда-то Рылеев и мог произнести речь о врагах просвещения, о друзьях «тиранов», а попутно рассказать и об основной цели своих исторических стихотворений, сославшись на пример Немцевича в Обществе науки в Варшаве.

Имеется ли возможность восстановить предполагаемую нами речь? Да, имеется! Что мог сказать Рылеев о своих думах и вообще о гражданской поэзии? В предисловии к отдельному изданию «Дум» (1825) Рылеев отсылал к Немцевичу, он приводил слова польского поэта об исторических песнях: «Напомянуть юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине...» Но, кроме этого подцензурного предисловия к «Думам», сохранился черновой автограф, известный нам по публикации А. Г. Цейтлина в 59 томе «Литературного наследства». В черновом автографе (А. Г. Цейтлин считает автограф первой редакции предисловия, не представленной в Московский цензурный комитет по цензурным соображениям) Рылеев цитирует из Немцевича в несколько ином переводе (вместо «напомянуть» — «вспоминать», «знакомить» — «дать ему познания», «вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине» — «есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине»). Отдельные уточнения в переводе не свидетельствуют, что Рылеев добивался явно цензурных формулировок. Но, главное, остается неясным смысл основного признания в сохранившемся автографе: «Цель моя та же самая — то есть распространить между простым народом нашим, посредством Дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, *когда хотя несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобряют мое намерение* — пролить в народ наш хотя каплю света» (курсив наш, — В. Б.). Здесь ясно говорится, что цикл дум еще не закончен, что поэт почтет себя «счастливейшим», когда «несколько успеет в своем предмете». ¹¹ И обращено это «предисловие» не к читателям, а к «благомыслящим людям», от которых поэт ждет «одобрения» своего намерения, т. е. успешного завершения работы над думами.

К кому же это «предисловие» обращено? Во вновь опубликованном автографе цитата из Немцевича не обрывается общей характеристикой цели исторических песен. Рылеев приводит слова Немцевича об Обществе наук в Варшаве. Общество наук «выдало новый проспект для сочинения истории народной; труд сей, разделенный между многими писателями, требует немалого времени». «Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородн<ой> цели, поручило мне, — говорит Немцевич, — выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских». Приводя это высказывание, Рылеев ставил в пример не только опыт работы Немцевича над историческими песнями, но и отношение к его труду Варшавского общества наук, замысел этого общества силами писателей создать «историю народную». Подобная ссылка на Немцевича и Общество наук в Варшаве была особенно уместной не в печатном предисловии к «Думам», а в одном из выступлений Рылеева в Вольном обществе любителей российской словесности, где оживленно обсуждались рылеевские думы.

¹¹ «Литературное наследство», т. 59, 1954, стр. 15—16. В предисловии к отдельному изданию «Дум» Рылеев просто скажет: «...эту самую цель имел и я, сочиняя Думы». Все думы уже написаны, намерение выполнено.

А. Г. Цейтлин, видный исследователь декабристской литературы, совершенно правильно указывает на революционно-просветительский пафос этого рылеевского выступления. «Первая редакция рылеевского предисловия к „Думам“, — пишет А. Г. Цейтлин, — проникнута идеями революционного просветительства. В полном согласии с этими передовыми теориями Рылеев утверждал здесь, что „невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире“. Эти строки лишь формально обращены против „волнений народных“: главный удар направлен здесь против тех, кто воспитывает в народе „предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа“, — то есть против „тиранов“ и их „друзей“, против самодержавной власти. Народ жаждет „света“, но просветить его мешают презренные „лордистатели“ просвещения».¹² Напрасно только А. Г. Цейтлин полагает, что эту революционно-просветительскую исповедь Рылеев готовил для Московского цензурного комитета и непременно в 1824 году, после вступления в Северное общество. Рылеев и до 1824 года был способен писать республиканские стихи и энергично выступать против деспотизма. На наш взгляд, этот ценнейший документ, опубликованный А. Г. Цейтлиным, есть речь Рылеева в Вольном обществе в связи с обсуждением его дум и разгоревшейся полемикой вокруг них. Если эта речь и не была прочитана, то все же она приготовлена как речь для выступления.

Читая в Вольном обществе думы, Рылеев, конечно, имел случай и даже обязан был поделиться с «соревнователями» своими замыслами, пояснить основную цель задуманного цикла. Он говорил: «Обязанность» каждого писателя — быть для соотечественников¹³ полезным, и я, по возможности, желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические Думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или, по крайней мере, достопримечательнейшие деяния предков наших».¹⁴ Отсюда еще раз следует, что Рылеев знакомил слушателей со своим намерением, начатым, но еще не оконченным. Он подчеркивал: предпринял «написать исторические Думы». Готовя в 1824 году предисловие к сборнику «Думы», Рылеев пользовался прежде произнесенным словом, значительно видоизменив первоначальный текст, убрав из него по цензурным соображениям выпады против «самодержавной власти» и все те места, которые составляли обращение к членам Вольного общества и говорили о всем цикле дум в будущем времени («успею в своем предмете», «одобряют мое намерение») или указывали на незавершенность предпринятого замысла («желая исполнить долг свой, предпринял»).

Вольное общество любителей российской словесности имело и другое название: Общество просвещения и благотворения. О пользе просвещения «соревнователи» напоминали постоянно: в речах, в ученых трактатах, в статьях и даже в особом роде «просветительских» одах. Далеко не каждый член Вольного общества поднимался до понимания идеи гражданского просвещения. Но Рылеев, Бестужев, Гнедич, Глинка выступали как просветители. Для Рылеева было ясно, что народное просвещение невозможно в «управлениях самовластных», при «самодержавной власти». Едва ли Рылеев так резко стал бы писать в предисловии, предназначавшемся в Цензурный комитет. Более правдоподобно полагать, что он это

¹² «Литературное наследство», т. 59, стр. 18.

¹³ Первоначально в автографе: для народа.

¹⁴ «Литературное наследство», т. 59, стр. 15.

мог сказать с трибуны «ученой республики», в пылу полемики с «порицателями просвещения». Рылеев рассчитывал на свободу устного слова. На собрании «соревнователей» можно было говорить, не оглядываясь на цензуру.

В конечном итоге Рылеев написал речь не столько о думах, сколько о просвещении и гражданской миссии писателя.

Бесспорно и то, что Рылеев следовал за Гнедичем, провозглашавшим в Вольном обществе идею высокого гражданского искусства. Гнедич призывал бороться «с пороками, предрассудками, невежеством, со всеми невидимыми, но опаснейшими врагами общества человеческого». Он учил ораторскому красноречию, высокому витийству: «Да вопиет противу зла сего каждый, ревнующий просвещению, да гремит неумолчно и поэзией и красноречием!»¹⁵ И Рылеев «гремел» красноречием: «За полезное, однако ж, сказать почитаю, что один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество... Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои, изливают тлетворный яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя тою сладкою надеждою, что рано ли, поздно ли, лучи благодетельного светила проникнут в мрачные и дикие дебри и смягчат окаменелые сердца самих порицателей просвещения».¹⁶ Стиль — ораторский, трибунный, обращенный к аудитории «людей благомыслящих». После знаменитой речи Гнедича это была вторая речь (не зафиксированная в протоколах, как и многие другие речи, но произнесенная в «ученой республике»), направленная против врагов народного просвещения и защитников деспотизма.

Поэма Кюхельбекера, посвященная Пушкину

Поэму «Сирота» Кюхельбекер считал одним из лучших своих произведений, написанных в годы каторги и ссылки. Не случайно он эту поэму посвятил А. С. Пушкину. Делясь с племянником Б. Г. Глинкой замыслом «Сироты», Кюхельбекер в письме от 21 декабря 1833 года обронил признание: «Больше всего опасаясь в этом роде — болтовни».¹⁷ В поэме действительно содержится опасная «болтовня».

В «Сироте» нет ничего героического и исключительного, сюжет поэмы настолько обыден и прост, как будто она написана поэтом «натуральной школы». Здесь все полемично, направлено против романтической поэтики и сюжеттики. Все повествование ведется Кюхельбекером в таких прозаических, сниженных тонах, что поэма, если не знать некоторых подробностей биографии мальчика Егора, воспринимается как произведение, предвещающее появление петербургских стихов Некрасова.

Совершенно не в духе декабристского героического романтизма поставлена в этой поэме проблема героя. Егор Львович, рассказывая о своем тяжелом детстве, иронически отзываясь о романтических Манфредах и Конрадах — все это антинародные герои. Из народа вышли в России Минин и Державин, но путь нижегородского купца и рядового солдата

¹⁵ «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 15, кн. 2, стр. 130, 141. О речи Н. И. Гнедича, произнесенной 13 июня 1821 года в Вольном обществе любителей российской словесности см. в исследовании И. Н. Медведевой «Н. И. Гнедич и декабристы» (Декабристы и их время. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 129—135).

¹⁶ «Литературное наследство», т. 59, стр. 15.

¹⁷ Там же, стр. 417

на вершину славы был тернист, их с трудом признавало официальное общество.

Велики, славны Минин и Державин:
Но рядовой Державин был ли славен,
И был ли Минин, мещанин, мясник,
На родине чиновен и велик?

Показательно нарочитое подчеркивание, что великие люди происходят не только из дворян, но и из мещан, купцов, солдат. К тому же это поэма о современниках, об участниках войны 1812 года, о солдатах и инвалидах, об их воспитанниках — уличных мальчишках. Товарищ Егора — «мужицкий, уличный мальчишка», сын дворника. Фигура «уличного мальчишки» вводится с тем, чтобы устранить чуждость между дворянской Россией и Россией мужицкой, указать на равенство между этими национально-историческими силами, не снимая нисколько своеобразие каждой из них.

... Наконец и здесь
Товарища нашел я; правда, спесь
Моих жеманных тетушек с испуга
Содроглась бы, когда б увидеть друга
Им удалось, какого я избрал:
Отец Петруши был не генерал,
Ни прокурор, ни предводитель,
Хотя бы и уездный, вет, родитель
Клеврета, друга моего Петра
Был просто дворник нашего двора.

В «Сироте» изображается Петербург, но Петербург не аристократический, не праздничный, не залитый светом, не утопающий в роскоши, а город бедняков, со стороны Сенной площади и Пяти углов.

Я со двора за хлебом поспешил,
И вот купил на всю полтину хлеба
И возвращался. Блеск и ясность неба,
Рабочих песни, над Фонтанкой шум
И крик веселый бремя мрачных дум
С души моей снимали; на ходу я
И голод утолил. Грустя, тоскуя,
Но мене, медленно я шел домой...

Все эти городские сцены — тайный спор Кюхельбекера-романтика с Кюхельбекером-реалистом. Кюхельбекеру не легко давались точность и лаконичность, но он стремился разгрузить стих от многосоставных, часто труднопроизносимых слов и словосочетаний, сделать его простым и ясным. В поэме «Сирота» мы видим необычную для Кюхельбекера интонацию. Но, главное, изменилась тема: изображаются жизнь народа и судьба социально униженных. И над всем этим народным миром палач Чудодей: «Как тешился палач мой надо мною. Он рот мне зажимал...» Палач — символ аракчеевской России.

Мы согласны с Ю. Н. Тыняновым, что поэма «Сирота» — произведение декабристской ссылки.¹⁸ Но этот рассказ выходит за рамки какой-либо одной биографии. В повествовании Егора Львовича о своем детстве

¹⁸ Ю. Н. Тынянов ограничился следующим замечанием о «Сироте»: «К 1833—1834 гг. относится большая поэма „Сирота“, посвященная Пушкину и написанная под влиянием английского поэта Крабба, чтение которого в это время производит на Кюхельбекера большое впечатление натуралистическими чертами, духом „фламандской“ школы. Поэма дана как рассказ ссыльного старика-декабриста о детстве; разгадываемое в тексте название Житомира уточняет личность героя (Житомир — один из центров южных декабристов). Сюжет: брошенный ребенок, „сирота“ становится жертвою жадного подьячего, закрепостившего его» (В. К. Кюхельбекер, Лирика и поэмы, т. I. «Советский писатель», Л., 1939, стр. LVI).

просвечивает целая эпоха и обозначаются два враждебных лагеря. Биографию мальчика, ставшего жертвой жестокого Чудодея, едва ли можно свести к биографии одного декабристского персонажа. Кюхельбекер со знанием награбил петербургского палача-подъячего фамилией *Чудодей*. Это не просто «болтовня». За такую «болтовню» Пушкин в 1820 году был удален из Петербурга. Пушкин «прославил» Аракчеева в эпиграмме:

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кивжала Зандова везде достоин он.

В фамилии, вернее в прозвище, Чудодей мелькает намек на Чудово, а через Чудово этот палач Чудодей сближается с временщиком Аракчеевым. Таким окольным путем, через образ палача-Чудодея в поэму «Сирота» возвращается пушкинская эпиграмма об Аракчееве, тема аракчеевского Петербурга. В портрете Чудодея много общего с всесильным временщиком, пользовавшимся неограниченным доверием царя и занимавшимся палачеством в военных поселениях. Аракчеев был «бесчестным и развратным».

...не человек, а зверь,
Нет, хуже зверя... гадкий, неопрятный,
Бессовестный, бесчестный и развратный...

Сближая образ Чудодея с Аракчеевым, мы не настаиваем на их тождестве. Суть дела состоит не в открытии отдельных реалий, а в понимании общественного содержания произведения и тех ассоциаций, которые невольно мог вызывать у современников Кюхельбекера сюжет о Чудодее и мальчике Егоре. В погоне за реальными аналогиями и автобиографическими мотивами можно прийти к слишком прямолинейным выводам. Так, бывшего солдата Андрея и инвалида Степаныча легко сравнить с кормилицей Мариной и няньками Корниловной и Татьяной, которые, по словам Кюхельбекера, были его «первыми наставниками в русской словесности». Солдат Андрей «повествовал о русской старине» и часто рассказывал Егору народные прибаутки и пословицы. Он тоже был своеобразным наставником. Наконец, Егора из Житомира в Петербург привез некий поручик, «пехотный франт, развязный и удалый». Сдав мальчика на воспитание Чудодею, этот «пехотный франт» отправился путешествовать. Собака поручика имела кличку «Орел».

Поцеловались между тем друзья:
Наш сел с Орлом в повозку и с Иваном,
И был таков! Меня же с чемоданом
В свое хранение принял Чудодей.

И к этим стихам можно дать оригинальное, но маловероятное объяснение: «Пехотный франт» — «кочующий деспот» Александр I. Как бы ни было заманчивым разгадывание подобных шифров, мы отказываемся толковать «Сироту» как поэму во всех отношениях инсказательную и полагаем, что «вечная тайна», о которой говорит Кюхельбекер во введении, состоит не в скрытых и частных намеках, а в основной идее произведения, будившей воспоминания о декабристском прошлом.

В поэме присутствует важнейшая черта декабристской эпохи: дворянин Егор Львович, на себе испытывавший произвол и насилие Чудодея, с огромным уважением отзывается о солдате Андрее, участнике войны 1812 года, и о добром инвалиде Степаныче. В них он видит ту здоровую и гуманную силу, которая только и может оказать поддержку передовому

дворянину в опале, гонимому и преследуемому. Солдату Андрею посвящены лучшие воспоминания:

Один меня не мучил мой Андрей:
От наших рассудительных друзей
В каморочку под крышею к Андрею
Бегу, бывало, и к нему на шею,
Рыдая, брошусь, Он меня возьмет,
Посадит на колена, мне утрет
Цветным платком глазенки, лоб малютки
Сквозь слезы перекрестит. Прибаутки,
Пословицы его хотя просты,
А были вдохновеньем доброты,
Душевной теплоты плодом отрадным;
И мне ль забыть, с каким участием жадным
Я слушал усача, когда он мне
Повествовал о русской старине,
Когда мне исчислял свои походы?
Я с ним в былые уносился годы:
С Суворовым и батюшкой и с ним
Сражал врагов и был неустрашим.

В этих воспоминаниях о далеком прошлом чувствуется восхищение замечательными духовными качествами простого русского народа. Солдат Андрей — это народная Россия, которую сыновней любовью любил Кюхельбекер и в честь которой он в 1821 году произнес речь в Париже. Эта народная Россия была сродни молодой, совсем юной декабристской России, борющейся с временщиками и палачами.

Не случайно поэма «Сирота» посвящается Пушкину. В этом посвящении как бы заключено признание того благотворного влияния, которое Кюхельбекер испытал со стороны Пушкина-реалиста. Пушкин для Кюхельбекера — «пример и вождь певцов младых». К Пушкину обращено введение. Кюхельбекер надеется, что Пушкин будет первым читателем поэмы «Сирота» и разгадает ту «болтовню» («тайный разговор»), которая была скрыта в рассказе Егора Львовича. Для Пушкина, конечно, была ясна условная фразеология послания, специально подобранные слова-сигналы: «буря», «грозная тягостная борьба», «гром», «козни вероломства», «чаша испытания», «слух потомства» и т. д. и т. д. Пушкин не мог не узнать в Чудодее временщика Аракчеева, не разгадать и этой «болтовни». Тайный смысл имели и строки, обращенные непосредственно к Пушкину:

Итак, вперед, и в слух потомства
Пролейся в песнях вековых!

Пушкин — надежда России. Таков смысл поэмы. Обращаясь к Пушкину со стихами

Талант, любимцу неба данный,
В увылой ночи недр земных
Да не сокроется. — Избранный!
Пример и вождь певцов младых!
В эфир свободный и пространный
Полет тебе ли не знаком? —
Вперед же доблестным орлом!

Кюхельбекер имел право сказать и о себе:

Еще не вовсе я погас,
Не вовсе песни мне постыли,
И арфу я беру подчас,
Из гроба вызываю были,
И тело им дает мой глас;
Мечты меня не позабыли...

К истории русского романтизма

В понятие «романтизма» в 10—20-е годы вкладывали разный и часто очень неопределенный смысл. Оглядываясь на отшумевшие битвы между романтиками и классиками, Вяземский в «Приписке» 1876 года к статье «О жизни и сочинениях Озерова» писал о неопределенности для 20-х годов самого понятия «романтизм»: «...в то время значение романтизма не было вполне и положительно определено. Не определено оно и ныне. Под заголовком романтизма может приютиться каждая художественная, литературная новизна, новые приемы, новые воззрения, протест против обычаев, узаконений, авторитета, всего того, что входило в уложение так называемого классицизма, — вот и романтизм...» В этой же «Приписке» содержится и такое свидетельство: «Тотчас образовались у нас два войска, два стана; классики и романтики доходили до чернильной драки. Всего забавней было то, что налицо не было ни настоящих классиков, ни настоящих романтиков: были одни подставные и самозванцы».¹⁹

Вяземский прав в том смысле, что на первых порах под романтизмом разумели все талантливое и передовое, направленное против отжившего классицизма. Иначе говоря, романтизм — свобода творчества, устремление к новым формам в поэзии, художественное новаторство. Для своего времени теория «ложного романтизма» имела прогрессивное значение и многочисленных своих сторонников. Такое широкое понимание романтизма делало возможным сплочение передовых литературных сил, строивших национальную культуру, временный союз будущих декабристов и карамзинистов-романтиков во главе с Жуковским. В. Г. Белинский писал о романтизме в понимании Александра Бестужева: «Ложная идея ложного романтизма до того овладела нашим *романтическим* критиком, что у него и Державин — романтик, и Карамзин, и Вельтман, словом, все талантливое, даровитое, все — романтики».²⁰ Белинский писал о Бестуже-Марлинском позднего периода, авторе статьи «О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем»».²¹ Однако и раньше, в годы «Полярной звезды», Бестужев понимал романтизм в литературе слишком расширительно.

Романтическая теория привлекала декабристов своим живым интересом к проблеме национальной самобытности, к русскому поэтическому стилю. Сама идея национальной самобытности имела многих приверженцев, но далеко не все, приветствовавшие эту идею, были способны перейти на позиции декабристского романтизма. У декабристов вопрос шел не только о создании новой литературы, более народной и самобытной, освобожденной от «поносных цепей» подражательности, но и о литературе непременно гражданской, способной выражать передовые общественные идеалы, полные энергии, мужества и силы мысли. Борьбу за поэзию самобытную, но непременно страстную, высокую, вольнолюбивую, включающую в себя свободолобие и патриотизм, Рылеев считал жизненно практическим делом, и на этом пути, на пути создания поэзии гражданской, он достиг наибольших успехов.

Пушкин в известном отзыве о Катенине улавливает именно этот оттенок декабристской самобытности. Назвав Катенина «одним из первых апостолов романтизма», Пушкин тут же указывает, что катенинский

¹⁹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1878, стр. 56—57.

²⁰ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 31.

²¹ «Московский телеграф», 1833, чч. 52 и 53.

романтизм состоит не только в обращении к «предметам простонародным», но и в том, что эти «предметы» он вводит «в круг возвышенной поэзии».²² «Возвышенная поэзия» — существенная поправка, ибо речь идет о союзе самобытности и гражданственности.

В отзыве Пушкина имеется неточность: Катенин отрекается от романтизма и обращается к «классическим идолам». В действительности Катенин-романтик и Катенин-классицист сотрудничают и помогают друг другу. Фактически Пушкин указывает на одну из главных особенностей раннего декабристского романтизма. Декабристские романтики опираются на традиции гражданского классицизма и гражданской античности, они русифицируют гомеровский стиль и обращаются к жанрам и стилистическим приемам XVIII века.

Насколько теоретически широко и самостоятельно декабристские литераторы решали проблему романтизма, свидетельствует обращение Рыльева, Бестужева и Кюхельбекера к истории западноевропейской литературы. Они за тот романтизм, который образуется в процессе развития всей мировой литературы и национальных традиций прежде всего. Истинный романтизм берет все лучшее, все наиболее прогрессивное и в конкретных национальных условиях образует свое течение, неподражаемое, не сводимое ни к каким влияниям. По-своему романтичны гомеровские, эсхилловские греки. Осуждая французский классицизм XVII столетия, Кюхельбекер высоко ставит Гомера. Для него и для Рыльева «роскошный, громкий Пиндар» куда самобытней «прозаического стихотворителя Горация». Самый знаменитый европейский романтик — Гете, «Великий» Гете противопоставляется «недозревшему» Шиллеру, Шекспир — «однообразному» Байрону.²³ Понимая условность и спорность такой характеристики, Кюхельбекер с большой осторожностью пользуется терминами «романтизм» и «классическая поэзия», считая такой спор схоластическим, предлагая говорить об истинно самобытной поэзии, которая должна придерживаться «идеалов высоких».

Пушкинское понимание романтизма и сходится и расходится с декабристской концепцией. Пушкин идет своим путем и как теоретик, и как поэт-романтик. Отсюда его постоянное напоминание: «темное понятие романтизма», «определение самое неточное», «сбивчивое понятие». В письме к Бестужеву от 30 ноября 1825 года он не скрывает своих сомнений: «Сколько я ни читал о романтизме, все не то...» И добавляет: «... даже Кюхельбекер врет». Пушкин хотел сказать, что Кюхельбекер все же лучше других разбирается в романтизме, что мимо его статей в «Мнемозине» нельзя пройти. И все же с Кюхельбекером нельзя согласиться. Хотя статьи в «Мнемозине», по словам Пушкина, «написаны человеком ученым и умным», «несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях».²⁴ Пушкину ясно, что Кюхельбекер, как, впрочем, и Рылеев, за основу определения романтической поэзии берет «дух поэзии», ее национально-историческое содержание. Пушкин согласен с тем, что истинно романтическая поэзия должна быть вне подражаний. Подражание никогда не может сравниться с образцом. Это мысль и декабристов и Пушкина. И для Пушкина Шекспир — великий романтик. В оценке Шиллера и Байрона он также сходится с Кюхельбекером. Но Пушкин не предлагает отказаться от спора о классической и романтической поэзии, он не соглашается с Рылевым, утверждавшим в статье

²² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 220.

²³ В. К. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. «Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 41.

²⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 41.

«Несколько мыслей о поэзии», что формам поэзии придают слишком много значения. Н. И. Мордовченко высказал справедливое предположение, что в незаконченной заметке Пушкина «О поэзии классической и романтической», вероятно, имеется в виду статья Рылеева, в частности к Рылееву относится замечание Пушкина: «Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами кл<ассическим> и ром<античе-ским>». «Недаром Рылеев, сообщая Пушкину о предстоящем опубликовании статьи в „Сыне отечества“, писал ему в середине ноября 1825 года, что „желает узнать о ней мысли Пушкина“... Но Рылеев был арестован в тот же день, когда произошло восстание, и Пушкин уже не смог ответить на его письмо. Однако с мнением Рылеева, так же как и с мнениями Кюхельбекера, Пушкин считался и учитывал их в своих критических набросках и заметках, не предназначавшихся для печати».²⁵ Одним из самых явных заблуждений в определении романтизма Пушкин считает отнесение к нему всего, что озаглавлено «печатью мечтательности и германского идеологизма». Против мечтательности, вялости и мистицизма постоянно выступали декабристские романтики, они же высказывались против немецкого владычества в поэзии. Здесь не было расхождений. Спор шел о другом: существует ли романтическая поэзия, или она всего лишь в воображении поэтов? Кюхельбекер и Рылеев заменяют спор о романтизме самым общим тезисом — поэзия должна быть самобытной и героической. Пушкин указывает, что проблема национальной самобытности не романтиками поставлена, эту проблему по-своему решала поэзия классическая. Теоретически она была обоснована Лессингом и Гердером. Пушкин имеет в виду прежде всего Кюхельбекера, его односторонний взгляд на романтизм. Кюхельбекер указывает на основные источники самобытной поэзии: «Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные лучшие, чистейшие, вернейшие источники нашей словесности».²⁶ Пушкин сокращает формулу Кюхельбекера, но оставляет главную идею нетронутой, почти дословно повторяет ее: «... основанных на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное». «Стихотворение может являть все эти признаки, а между тем, — продолжает Пушкин в заметке «О поэзии классической и романтической», — принадлежать к роду классическому. Если же вместо *формы* стихот<ворения> будем [брать] за основание только *дух*, в котором оно писано, — то никогда не выпутаемся из определений».²⁷

Пушкин учитывает теоретические трактаты о романтизме и художественную практику декабристских писателей. Истинно романтическая поэзия устремлена к новым художественным формам, к единству формы и содержания. Кюхельбекер призывает русских писателей быть самобытными, сбросить с себя «поносные цепи немецкие» и обращается непосредственно к Пушкину: «... особенно имею в виду А. Пушкина, которого три поэмы, особенно первая, подадут великие надежды».²⁸ Это, конечно, парадокс. Кюхельбекер призывает Пушкина быть самобытным, а в своей любви к поэзии высокой, громоздкой и архаической впадает в крайность. Для декабристов-романтиков (в большей или меньшей степени для отдельных поэтов) проблема художественной формы оказалась наитруднейшей.

²⁵ Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 231.

²⁶ В. К. Кюхельбекер О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие, стр. 42.

²⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 36.

²⁸ В. К. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие, стр. 43.

Пушкин не дает развернутого определения романтизма, но из его отдельных высказываний следует, что истинный романтизм — большое и вполне оригинальное искусство, имеющее свои эстетические законы. «Какие же роды стихотворений должны отнести к поэзии романтической?» — спрашивает он. И отвечает: «Те, которые не были известны древним и те, в коих прежние формы изменились или заменились другими».²⁹ В поэзии декабристов «прежние формы изменялись», но далеко не всегда «заменялись другими». Поэтому Пушкин с огромным вниманием относится к художественным достижениям Рылеева, приветствуя его «замашку или размаху в слоге». В письме к Вяземскому от 25 мая 1825 года он приводит пример рылеевской «замашки»: «У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал».³⁰ Пушкин судит как поэт, хваля в «Войнаровском» удачно найденную строку («и в плащ широкий завернулся») и огорчаясь «нехорошим» стихом («дивились мы его уму»)³¹.

Спор Пушкина с декабристами-романтиками шел и по другой линии. Пушкин сурово осуждал рылеевский антиисторизм, считая одним из основных признаков истинного романтизма умение проникнуть в дух эпохи. Едва ли Пушкин принимал безоговорочно образ Войнаровского и в этом смысле. В письме к Вяземскому он сделал несправедливое, но очень симптоматичное сравнение: «Чернец» Козлова «умнее» рылеевской поэмы «Войнаровский».

Пушкин принес в романтизм субъективную задушевность, внутренний мир души, освободив тем самым гражданскую поэзию от рационалистического схематизма. Он не возвращается к незавершенному «Вадиму», типично декабристской трагедии, а создает сложный характер Алеко, обнажая романтический индивидуализм, одиночество романтического героя, запутавшегося в собственных противоречиях. У Рылеева — непременно героическая личность, поэтизация избранного героя, героя-тираноборца, участника национально-освободительных движений или современного человека, идущего к 14 декабря. Хотя рылеевские герои и выступают в древнерусских костюмах, это не мешает им полностью слиться с личностью поэта-гражданина, стать рядом с ним. Рылеев и от Пушкина требует возвращения романтического героя к трибуне, к политическому красноречию, на площадь.

Нам не кажется случайной обмолвкой слова Рылеева об Алеко-кузнеце. Свое первое письмо, написанное в начале января 1825 года, Рылеев начинает словами: «Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет с Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнение о твоём таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца». В апрельском письме Рылеева содержится более пространственный отзыв: «Цыган слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь, и [вот что] нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и сбирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачем? Потому что сужу поэму Александра Пушкина; за тем, что желаю от него совершенства».³²

Вяземский в рецензии, опубликованной в «Московском телеграфе», считал более удачным другой вариант: «Если непременно нужно ввести

²⁹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 36.

³⁰ Там же, т. XIII, стр. 184.

³¹ Отзыв А. С. Пушкина о «Войнаровском» содержится в письме П. А. Мухомова к Рылееву в апреле 1824 года (Девятнадцатый век, кн. 1. М., 1872, стр. 368).

³² К. Ф. Рылеев, Полное собрание сочинений, «Academia», М.—Л., 1934, стр. 479, 494.

Алеко в совершенный цыганский быт, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми. В этом ремесле, хотя и не совершенно безгрешном, все есть какое-то удалство и следственно поэзия».³³

В «Опровержение на критики» (1830) Пушкин отвечал и Рылееву и Вяземскому: «Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана». Но тогда, по словам Пушкина, «не было бы и всей поэмы». Дело в том, что Пушкин и его критики во взгляде на романтическую поэму не были едины. Алеко-кузнец по Рылееву и Алеко-цыган по Вяземскому отнюдь не совпадающие варианты романтического героя. Предлагая сблизить Алеко с цыганским бытом («оцыганить» героя, заставить его торговать лошадьми и барышничать), Вяземский руководствовался теорией «местного колорита». Романтизм для Вяземского прежде всего местные краски, национальная самобытность. Для Рылеева важнее всего возвысить, облагородить героя. Думаем, что в сознании Рылеева мелькал не просто кузнец как бытовой образ, а кузнец-мститель, воспетый в народных песнях и в песне «Уж как шел кузнец» самого Рылеева. Если Алеко вооружился ножом, взял в руки оружие народного мщения, то должен был действовать в интересах общего дела, хотя бы как кузнец из песни.

И молитву сотвоя,
Третий нож на царя.
Слава!

Наивно думать, что Рылеев желал видеть Алеко непременно в кузнице. В дружеской переписке Рылеев и Пушкин часто прибегали к недомолвкам. Рылеевский кузнец — намек на затянувшийся спор о романтическом герое, а может быть, и более важный намек: на квартире Рылеева в ту пору о царубийстве говорили довольно определенно («Тут просто надобно резать, да и только» — по воспоминаниям Штейнтеля). Если ограничиться первым мотивом, то Рылеев хотел сказать, что романтическая поэма должна быть непременно героической, а романтический герой — общественным борцом, сильным человеком. Алеко безусловно мятежный герой, но его мятежность носит пассивный характер — Алеко недостает революционного дела.

Понимая, что такую героическую поэму трудно создать на современном материале, Рылеев в январе 1825 года, когда он познакомился с «Цыганами», советовал Пушкину, заброшенному судьбой в Михайловское, написать историческую поэму: «... ты около Пскова: там задуманы последние вспышки Русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без Поэмы». Апрельское письмо Рылеева следует поставить рядом с этим январским письмом. В свете «последних вспышек свободы» реплика о благородном кузнеце не покажется странной. Алеко-кузнец мог бы стать героем героической поэмы. Рылеев настойчиво внушает Пушкину, что романтической поэме нужны новгородские Вадимы и псковские Марфы Посадницы, люди героического дела, способные погибнуть за идею. Не следует забывать, что Рылеев тогда — и выдающийся гражданский поэт, и руководитель Северного общества; для него борьба за Пушкина, пушкинский революционный романтизм равнозначна борьбе за участие русской поэзии в предстоящей битве с самодержавием. Поэтому в ноябрьском письме 1825 года Рылеев обращается к Пушкину: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин».

³³ «Московский телеграф», 1827, ч. 15, № 10, отд. 1, стр. 119.

В защиту исторического романтизма декабристов

Опираясь на ленинскую характеристику первых дворянских революционеров, советские ученые сумели показать идейное и художественное значение декабристской литературы, собрать и прокомментировать огромный фактический материал, долгое время находившийся под запретом. Одним из достижений советского литературоведения является постановка вопроса о литературно-эстетической программе декабристов. Декабристы вошли в историю русской культуры как представители прогрессивного романтизма.

Однако сама проблема романтизма в связи с методом и стилем декабристской литературы изучена недостаточно, так же как недостаточно выяснены и те литературные традиции, которые способствовали становлению и развитию русского гражданского романтизма. Здесь частично сказалось общее невнимание к романтическому искусству как искусству, противоположному реализму, оторванному от действительности, а значит и неполноценному в художественном и идейном отношении. О необходимости отказаться от недооценки романтизма говорит А. А. Елистратова в статье «К проблеме соотношения реализма и романтизма»: «Мы не рассматриваем романтизм как нечто универсальное; для нас это явление исторически обусловленное и подлежащее исторической оценке. Но вместе с тем мы допустили бы ошибку, если бы отсекали романтизм от живого наследия литературной классики, поныне входящего активной, действующей силой в художественное сознание передового человечества».³⁴

Это не значит, что романтизм следует искусственно «подтягивать» к реализму или реабилитировать его с помощью так называемых реалистических элементов. Отрицая способность романтиков объективно рассматривать общественный процесс и типизировать явления действительности, мы фактически романтизм отождествляем с субъективным идеализмом, не учитываем всех связей и опосредствований романтизма с действительностью, своеобразия творческого метода и авторского самосознания у отдельных романтиков. Не превращая романтизм в «псевдоним или маску реализма», можно утверждать, что декабристы-романтики в своих лучших художественных обобщениях шли навстречу реализму.

Прежде всего мы не должны упрощать проблему «исторического романтизма». Декабристский романтизм отнюдь не только субъективизм и индивидуализм, нечто фантастическое и титаническое. Г. А. Гуковский в книге «Пушкин и проблемы реалистического стиля», содержательной и оригинальной по ряду выдвинутых в ней положений, переносит антиисторизм, характерный для художественного творчества декабристов, на их социально-политические и исторические воззрения. Оказывается, что Рылеев и Кюхельбекер «не отличали прошлого от настоящего», «в прошлом видели то же, что в настоящем, игнорируя изменяемость и психику людей и основ общественного бытия, считая, что люди всегда одинаковы», «рассматривали прошлое и настоящее на плоскости, не видя закономерности причинных связей истории».³⁵

Сам метод сближения истории с современностью еще не может служить основанием для утверждения, что декабристы-романтики не видели причинных связей истории и объективных законов общественного развития. Насколько Рылеев хорошо разбирался в закономерности смен отдель-

³⁴ А. А. Елистратова. К проблеме соотношения реализма и романтизма. «Вопросы литературы», 1957, № 6, стр. 31.

³⁵ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, М., 1957, стр. 12—13.

ных форм правления, свидетельствует его статья «Несколько мыслей о поэзии», где о народоправстве древних республик сказано в духе строгого историзма: «... сия форма правления их не нарочно была выдуманна, не насильно введена, а проистекала из природы вещей, была необходимою того положения, в каком находились тогда гражданские общества».³⁶ В этом смысле особенно показателен прозаический отрывок Рылеева о Наполеоне, набросанный им в 1824—1825 годах. «Твое могущество захватило все власти и пробудило народы. Цари, униженные тобою, восстали и при помощи народов низвергли тебя. Ты пал — но самовластие с тобою не пало. Оно стало еще тягостнее, потому что досталось в удел *многим*. Народы его приметили, и уже Запад и Юг Европы делал попытки свергнуть его деспотизма. Цари соединились и силою старались задушить стремление свободы. Они торжествуют, и теперь в Европе мертвая тишина, но так затихает Везувий».³⁷ Тем же предчувствием причинных связей истории проникнута записка «О рабстве» Раевского: дворянство, «погрязшее в роскоши, разврате, бездействии», «с ужасом смотрит на необходимость потерять тираническое владычество», тогда как «миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры».³⁸ Разве здесь не чувствуется понимание основ общественного бытия и социальных противоречий эпохи? Даже Федор Глинка отлично понимал сущность феодализма; вот что он писал в «Сыне отечества»: «Все капиталы, как и естественно, были тогда на стороне владельцев земель и, следовательно, большие богатства в немногих руках. Употреблялись богатства сии двояко: их издерживали или на построение замков, которые справедливо могут назваться гнездами самовластия и гордости, или на устройство великолепнейших пиров, блеском которых богачи старались придать блеск своему существованию и ничтожеству и закрыть бедность им подвластных».³⁹ Александр Бестужев и Кюхельбекер в своих ливонских повестях показали все ужасы феодализма. Кюхельбекер писал в повести «Адо» о положении эстонских крестьян: «... посреди каждого двора рыцарского находились плаха и топор; каждый помещик, не относясь ни к кому, мог без всякого суда предавать смерти любого своего подданного, навлекшего на себя его негодование».⁴⁰

Мы сознательно привели высказывания самых романтических писателей-декабристов (Рылеева, Раевского, Глинки, Кюхельбекера). Декабристский «исторический романтизм» явление более сложное, нежели просто вера во всемогущество человеческого разума и игнорирование основ общественного бытия. Полагаем, что более прав историк С. С. Волк: «Декабристы учились рассматривать общественную жизнь как процесс, в котором существует определенная преемственность между настоящим и будущим. При таком подходе история уже не казалась хаотическим нагромождением больших и малых событий. Становилось очевидным, что история подчиняется не капризной воле отдельных выдающихся деятелей, а каким-то своим внутренним законам. Исторические события представлялись соединенными не искусственной психологической мотивировкой и не стилистической связью, столь характерными для «Истории»

³⁶ К. Ф. Рылеев. Несколько мыслей о поэзии. «Сын отечества», 1825, № 22, стр. 150—151.

³⁷ К. Ф. Рылеев, Полное собрание сочинений, стр. 417.

³⁸ В. Раевский. Стихотворения. «Советский писатель» (малая серия «Библиотека поэта»), Л., 1952, стр. 216, 215.

³⁹ Ф. Глинка. Подробный отчет другу о приятном вечере в обществе просвещенных людей. «Сын отечества», 1818, № 13, стр. 30.

⁴⁰ В. К. Кюхельбекер. Адо. Эстонская повесть. «Мнемозина», 1824, ч. I, стр. 145.

Карамзина, а причинной обусловленностью, непреклонной логикой самого развития». ⁴¹

И в эстетической системе романтиков нельзя внеисторическую «систему аллюзий» считать главной особенностью художественного метода. «Система аллюзий» была придумана для прикрытия современной темы. Насколько декабристы-романтики понимали настоящее в искусстве, свидетельствуют критические обзоры Александра Бестужева в «Полярной звезде». Во «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 г.» Бестужев ставил в заслугу русской литературе, что в годы Отечественной войны она «под политической печатью... кружилась в обществе». «Кружиться» — это значит «увлечь за собой общество». Бестужев-романтик хорошо понимает закономерности исторического развития: «Лица и случайности проходят, но народы и стихии остаются вечны». Или: «Жизнь необходимо требует движения, а развивающийся ум дела». ⁴² Не случайно Пушкин сказал, что Бестужев судит «основательно и глубокомысленно».

Связь с действительностью присутствует во всех направлениях романтизма, даже у Жуковского. Но внутри самого романтизма связь эта очень различается по своей степени, по своему внутреннему качеству. Суть дела, конечно, не во внешнем правдоподобии отдельных сюжетных ситуаций и деталей и не в том, что в романтизм стихийно врываются элементы реализма. Декабристы знали, что историю творят не отдельные личности, пусть даже и самые выдающиеся. «История народа принадлежит народу — и никому более! Смешно дарить ею царей», — сказал Н. И. Тургенев при чтении «Истории Государства Российского» Карамзина. ⁴³ Декабристы подразделяли историю национально-освободительных движений и историю политической борьбы. Эти две «истории» у них не сливаются. В этом была их ошибка. Декабристы опасались участия народных масс в борьбе с самодержавием; они боялись, что восставший народ, вдохновленный примером дворянских революционеров, возьмется и за дворянские усадьбы, превратит буржуазную революцию в народную. Именно потому, что дворянские революционеры по опыту истории понимали силу народа, они опасались вооруженного мужика. И в эстетике проблема народности в широком смысле была тем рубежом, который не сумели переступить декабристские романтики, хотя и пытались это сделать, о чем свидетельствуют революционные песни Рылеева и Бестужева, созданные для народа. Только Пушкин преодолевает романтический характер мировоззрения и становится на позиции подлинного историзма и народности. Но завоевать эти позиции Пушкину все же помогает декабристский романтизм.

В работах советских ученых (Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский, Д. Д. Благой, А. Н. Соколов, Б. С. Мейлах и др.) показана сложная эволюция пушкинского романтизма от «Кавказского пленника» к «Цыганам». Полную победу пушкинский реализм над романтизмом одерживает в «Борисе Годунове», но и в «Борисе Годунове», в образе юродивого, и в «Полтаве», в любовной фабуле и в сценах, изображающих полтавскую битву, Пушкин не отказывается от завоеваний романтической эстетики. Между романтизмом и реализмом существуют самые тесные отношения. Становясь на позиции реалиста, Пушкин остается в какой-то степени и романтиком. Я. Е. Эльсберг справедливо пишет, что «Пушкин — просветитель и реалист побеждал романтика, восприняв вместе

⁴¹ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 82.

⁴² А. А. Бестужев. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. «Полярная звезда на 1825 год», стр. 5, 3.

⁴³ Архив бр. Тургеневых, вып. 5. Пгр., 1921, стр. 115.

с тем уроки западноевропейского романтизма».⁴⁴ Но в эту правильную характеристику вкралась досадная неточность. «Русский же романтизм 20-х годов, романтизм декабристов, — утверждает Я. Е. Эльсберг, — не смог играть первостепенную роль в русском литературном развитии, не приобрел классического значения, ибо у него тогда не было крепкой национальной почвы».⁴⁵ Что касается «национальной почвы», то романтизм декабристов, являясь одним из значительных завоеваний русской культуры, целиком и полностью обязан этой почве, вырос из потребностей русской действительности и работал на эту действительность. Декабристский романтизм утверждал передовые общественные идеалы, помогал идти вперед, предугадывал те тенденции, по которым будет развиваться общественная жизнь России. Не случайно на поэтическом наследии Рылеева воспитывалось целое поколение русских революционеров. Не спорим, что декабристский романтизм не приобрел «классического значения» в истории мировой литературы. Но в национально-историческом смысле он имеет классическое значение как в своих художественных и идейных завоеваниях, так и в своих противоречиях и заблуждениях.

⁴⁴ Я. Е. Эльсберг. Пушкин и развитие мировой литературы. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Материалы к дискуссии о взаимосвязях и взаимодействии национальных литератур. На правах рукописи. М., 1960, стр. 11.

⁴⁵ Там же.

Русская литература

№ 1

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1961

Год издания четвертый

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Степанов. Изображение характеров в прозе Пушкина	3
Б. Городецкий. О некоторых проблемах изучения лирики Пушкина	25
В. Базанов. Из истории гражданской поэзии начала XIX века	39
В. Виноградов. Достоевский и Лесков (70-е годы XIX века)	63
И. Крук. Блок и Гоголь	85
А. Старцева. Образы-символы в творчестве Леонида Леонова	104

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

Т. Цявловская. Новонайденный автограф Пушкина (эпиграмма на Булгарина)	120
Я. Генцель (Польша). О текстологических недостатках нового издания сочинений Бестужева-Марлинского	134

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. Копылов. Неизвестный автограф протопопа Аввакума	139
А. Горелов. Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник первой крестьянской войны в России	141
И. Серман. Неизданная философская поэма В. Тредиаковского	160
А. Штамбок. Об авторе рассуждения «О качествах стихотворца» (к вопросу о двух направлениях в русской эстетике классицизма)	169
М. Арауманова. Новое о Ф. Эмине	182
Е. Маймин. Леонид Творогов	187

(См. на обороте)